

УДК 316.55

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

П. П. Великий, С. Т. Дакирова

Институт аграрных проблем Российской академии наук, Саратов
E-mail: jagzan@mail.ru

В статье обоснован подход к выделению среди сельских жителей слоя, обладающих конструктивным социальным потенциалом, который проявляется в реализации новых моделей экономического поведения и в повседневности. Проведен сравнительный анализ методик для выявления креативного состава сельских сообществ.

Ключевые слова: социальный потенциал, креативность, социальная структура, семья, аграрное хозяйство, социальная трансформация.

Social Potential of the Post-Soviet Countryside

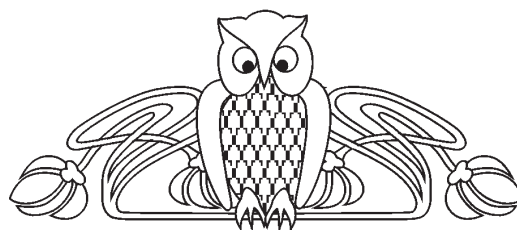
P. P. Velikiy, S. T. Dakirova

The paper substantiates the approach to picking out the stratum of rural residents that have a constructive social potential manifesting itself in sticking to new models of economic behavior and in the everyday life. A comparative analysis of the methods of identifying the creative structure of rural communities is accomplished.

Key words: social potential, creativity, social structure, family, agrarian economy, social transformation.

Репрезентация неравенства социального потенциала россиян, проведенная разными исследователями, дает основание для постановки гипотез о распространении его и в социумах различного социально-территориального масштаба (столицы, провинциальные города) и в постсоветской деревне. Для сравнения используются показатели социокультурной деятельности и образа жизни.

Как считает А. Ослон, в российском обществе сложился своеобразный водораздел между теми, кто нацелен на успех, живет в стреле времени, и теми, кто живет в циклическом времени. Это не сугубо российское явление: люди отличаются разной степенью вовлеченности во всевозможные современные практики, и «чем сильнее проявляют себя эти практики, тем больше разрыв между пассивными и активными слоями. По сути дела, активная часть живет в стреле времени, а пассивная – в круге»¹. Западный набор образцов (см. вопросы теста) подталкивает к стреле времени, а архаичный, традиционный – к круговому времени. Эти две формы, считает А. Ослон, в жизни могут согласованно сосуществовать. В публикациях на эту тему можно встретить и иные пропорции между активной и пассивной частью людей, но бесспорно одно – удельный вес тех, чей образ мыслей и действий «заточен» на создание новых благ и ценностей, неизмеримо меньше тех, кто

просто более или менее добросовестно выполняет свои профессиональные обязанности.

Человеческий потенциал обусловлен условиями жизни, которые либо стимулируют, либо ограничивают его развитие. Одновременно он способен не «считаться» с условиями, пробивать дорогу несмотря на ограничения. Однако сами по себе инновационные проявления будут обладать спецификой в зависимости от наличных, реально сложившихся условий. Например, если в семьях в той или иной деревне нет компьютеров, то невозможно освоить и пользоваться электронной почтой, а если низок материальный уровень и нет нормативного набора предметов банковского залога, то будет закрыт доступ к кредитам, и т. д.

На наш взгляд, выделение слоя наиболее активных социальных групп, включающее потенциальные шансы на продвижение, объективные и субъективные установки их членов, перспективен с позиции вебериянского наследия. М. Вебер, как известно, при определении места в социальной структуре делал акцент не на один экономический признак, а на культурные и социальные особенности индивидов и социальных групп. Особый интерес для него представляли: схожесть жизненных шансов индивидов, поведения, стиля жизни, что означало применение при анализе нескольких стратификационных иерархий.

Применяя неовебериянский подход к стратификационному анализу слоя предпринимателей, В. В. Радаев соединил первый элемент классической триады – классовые позиции – с собственническими, социально-профессиональными и материальными позициями; второй элемент – статусные позиции с уровнем престижа группы, стилем жизни, нормативными и ценностными ориентациями; третий – политические позиции – корреспондировал через участие в политических структурах и коллективных акциях (собрания, митинги) и электоральное поведение. Радаев подчеркивает, что между этими тремя основными блоками нет однозначных причинных связей, но достоинство схемы – в богатстве содержания и методологической открытости, хотя она и перегружена критериями и показателями².

Рассмотрим, как работают критерии неовебериянского толка в отношении сельского населения. Начнем с собственнических, социально-профессиональных и материальных позиций. С первых лет аграрной реформы и по сегодняшний

день сельские жители получили право на владение земельными долями – признак, который мог бы претендовать на роль ведущего элемента структурирования. С точки зрения нормативной позиции, казалось бы, сомнений по этому поводу быть не должно. Однако в реальности владельцы земельных долей демонстрируют иную рациональность, которая вполне объяснима. Во-первых, они не имели (и за 20 лет реформ ничего не изменилось в лучшую сторону) средств, чтобы выделить участки в замкнутых границах. Во-вторых, данная операция, поскольку она платная, была и остается нерациональной с точки зрения семейного бюджета. Семья могла бы за счет дополнительных усилий заработать нужную сумму, подобно решению задач обучения детей в учебных заведениях, но она на это, как правило, идет редко, так как возделывание земли своими силами – задача неподъемная с учетом своих ресурсов (исключая относительно небольшую группу конструктивной ориентации). К тому же многие придерживаются установки, чтобы дети наследовали не крестьянский, а городской образ жизни. Тем не менее мы не должны исключить земельную собственность из числа основных элементов конструирования, поскольку среди сельских семей нашлось немало тех, кто нормативно оформил участки своей семьи да еще и арендовал их у односельчан. Таким образом, эта часть индивидов тоже является образцом социального взаимодействия, претендующая на то, чтобы его типизировать как проявление высокого человеческого потенциала.

Идя по выдвинутой выше схеме научного конструирования сельской реальности посредством обращения к рациональным действиям субъектов-образцов человеческого взаимодействия, рассмотрим весь состав сельского сообщества усредненного российского села в контексте его структурирования. Внешне жилой комплекс села довольно однообразен. Дома, построенные как индивидуально, так и за счет средств колхозов и совхозов, а затем приватизированные жильцами, почти не отличаются друг от друга. Если среди них и появляются особняки горожан, то их владельцы никак не влияют на жизнедеятельность коренных жителей.

На первый взгляд, социальная реальность сельских семей включает множество схожих взаимодействий и аналогов. Например, и пожилой, и молодой механизаторы живут примерно в одинаковых домах, ухаживают за животными на подворье, принимают гостей и т. д. Тот и другой могут иметь или не иметь автомобиля, другой техники, более или менее достаточного количества скота на подворье. Причем сами ресурсы обеспеченности их семей нестабильны, могут исчезать. Крупные события – выдача замуж дочери, женитьба сына и т. п. – могут привести к полной распродаже скота, чтобы достойно справиться свадьбу. Следовательно, не накопленный достаток, а способы его поддержания являются существенными как

для близких, так и отдаленных перспектив жизни большинства сельских жителей. Отсюда и дифференциация сельского сообщества в основном замыкается на *способы обеспечения благополучия семей*, при этом иерархия и организация имеют свои особенности.

Особая роль принадлежит деятельности организаций, территориальной доступности их и вообще наличия в местах обитания. Лучший вариант – наличие фермера, крупного хозяйства в селе или хотя бы проходящих вблизи железной дороги трубопровода, автомобильной магистрали, что позволяет либо непосредственно получить оплачиваемое рабочее место, либо относительно регулярно сбывать выращенное на приусадебном участке и собранные дикорастущие продукты. Специфика природного ландшафта также влияет на специализацию самообеспечения: в одном месте в практиках преобладает пчеловодство, в другом – выращивание бахчевых, в третьем – картофеля.

При достаточно широком наборе способов обеспечения благополучия всегда имеется ведущий способ, выбор которого связан с его стабильностью, даже если он и не покрывает полностью нужды семей. Например, бывший главный инженер колхоза после его распада работает инженером у фермера, одновременно на подворье содержит две сотни кроликов, несколько ульев, много гусей и кур. Из числа других членов бывшего колхоза те, кто получил на имущественную долю трактор или автомобиль, превратили их также в ресурс для заработка. Нанимаясь на сезонные работы в сельскохозяйственный производственный кооператив или к фермеру, они используют не одни рабочие руки, но и собственные частные средства производства, что повышает уровень оплаты времени, проведенного на наемной работе.

Удельный вес работников умственного труда, занятых в социальной сфере села, в последние два десятилетия значительно уменьшился по причине сокращения поселений, закрытия школ и медицинских учреждений, не соответствующих нормативам, введенным недавно органами власти. Число специалистов-технологов в современных сельскохозяйственных организациях тоже резко уменьшилось, так как эти организации по своей производственной структуре в них почти не нуждаются, да и менеджмент полагается на свои аграрные познания и опыт рядовых механизаторов.

Таким образом, в низовой, самой крупной части агросферы – сельских сообществах – произошли изменения социальной структуры, содержанием которых следует дополнить неовейбрианскую модель. Что касается традиционного подхода, применяемого в советские годы к типологиям внутри рабочего класса и крестьянства, то он все дальше отходит от современных реалий, вернее, реалии не охватываются конструктами, потому что произошла статусная декомпозиция

практически всех групп сельского населения. Выдвижение на доминирующее место *способа поддержания материального благополучия*, которое произошло из-за реструктурирования всех компонентов организации внутрисельской жизни, уничтожило связь между уровнем образования и трудовыми позициями, квалификацией и ее вознаграждением, личными самооценками и реальным престижем в сообществе.

В делении на типы внутри сельской социальной структуры особую роль стали играть высокий полипрофессионализм и организационные способности (фермер, крепкий хозяин подворья, стабильный отходник на энергоперерабатывающие промыслы Севера или в столицы). Сельские жители, не обладающие таким потенциалом, попали в ситуацию отстранения от общественной хозяйственной жизни. Для менеджмента коллективных хозяйств и фермеров они представляют интерес эпизодически, в основном как сезонная рабочая сила, для местных органов власти как электорат, то есть тоже опять-таки через большой промежуток времени. Но они, как и все другие группы, обладают потенциалом осуществлять коллективные действия, поддерживать в сообществах определенное социальное самочувствие в проекции Гемайншафт, что имеет обнадеживающие перспективы для научного конструирования сельского жизненного пространства агросферы.

Хотя векторы социальной трансформации имеют единую основу, но сельский социум – это совокупность индивидов, обладающих неоднородным и неравным социальным капиталом и статусом (что зависит от многих причин: профессионализма, здоровья, возраста, степени креативности и т. д.), которые существенно влияют на мобильность (социальные лифты), способы обеспечения материального и социального благополучия, действенность влияния на социальную и природную среду. Другими словами, однотипный элемент структуры социума в разных средах (взяты в проекции экономических, управленческих, генетических, этносоциальных, культурных предпосылок) будет проявлять себя не совсем однотипно, а иногда даже с противоположных позиций. Причем это не является неким новообразованием: и в советское, и постсоветское время было немало свидетельств такого свойства. Например, в колхозных практиках широко использовался труд так называемых бригад шабашников, которые строили разные сооружения (скотные дворы, кошары, конторы) за достаточно высокую (по сравнению с оплатой труда колхозников на полевых работах) зарплату, что вызывало недовольство в сельских сообществах.

Когда председатель колхоза предлагал местным мужчинам заменить шабашников, те отказывались, как правило, из-за интенсивности трудовых нагрузок и других причин. Не вдаваясь далее в прошлое, отметим, что выбор участия в

организационно-правовых формах (сельхозорганизациях, КФХ) также определялся внутренними интенциями, то есть направленностью сознания, воли, чувств на способы обеспечения субъективно приемлемого уровня и стиля жизни. По истечении двух десятилетий реформенного и пореформенного периода потенциальная составляющая (наряду с воздействием благоприятных и неблагоприятных условий экономической среды) дала ощутимые социоструктурные результаты. Одни члены сельского социума, локализованные в сообществах, стали фермерами, крепкими хозяевами сельских подворий (ведущих товарные хозяйства), другие сдали свои земельные паи в аренду и перебиваются заработками в режиме трудового неаграрного отходничества, третьи трудятся в АО, СПК, где сохраняются многие черты прошлых практик постсоветского типа. Довольно значительное место в этой структуре занимают хронические безработные, не стремящиеся изменить к лучшему свою жизнь.

Итак, хотя предпосылки дифференциации сельских жителей по встраиванию в социально-экономические и хозяйственные отношения весьма многообразны, среди них выделилась группа индивидов активной жизненной позиции, которая опредметилась в реальные результаты. Можно сказать, что это полярная группа относительно как безусловно пассивной, так и малоактивной группы. К ней можно отнести фермеров, индивидуальных предпринимателей, результаты деятельности которых измеримы, поскольку отражаются в официальной государственной и ведомственной статистике. Однако есть еще значительная по удельному весу часть владельцев семейных хозяйств, которая, можно предположить, вносит львиную долю в производство продуктов, поступающих на рынок от всего этого сектора частного хозяйствования (ЛПХ).

Очевидно, что группу индивидов с активной жизненной позицией отличает другой уровень социального капитала, который более эффективно адаптирован к условиям аграрной экономики, хотя внутренняя дифференциация здесь также существует: одни больше опираются на предприимчивость или профессионализм, другие – на физическую силу, выносливость, третьи – на ресурсы социальных сетей. Хотя они отличаются от односельчан тем, что их позиционируют в селе в терминах «живут лучше других», но сами практики деятельности этих индивидов слабо институализированы, персонифицированный вклад в решении задач продовольственной безопасности не учитывается в аграрной политике. Иными словами, можно говорить о такой черте в их определении, как конструктивность, и в то же время о не проявленном или частично проявленном их потенциале. Поэтому раскрытие конструктивного потенциала рассматриваемой группы в реальных делах является важной целью стратегии государства в агросфере.

Измерение эффективности реализации конструктивного потенциала выделенных из общей массы членов сельских сообществ осложнено тем, что они проявили этот потенциал в разной степени. Поэтому методика измерения конструктивности их проявленного потенциала может оперировать количественными данными. Сегодня в оценках социального потенциала применяются разные подходы. Один из них предложен В. В. Пациорковским, который выделяет в качестве основного показателя совокупный состав сельской семьи. Предполагается, что семья, большая по числу членов, особенно молодых и здоровых, имеет лучшие шансы для адаптации к современным условиям. Человеческий капитал сельских домохозяйств (ЧКД) определяется как показатель, характеризующий способность малой группы людей, создающих собственное хозяйство, использовать свой труд, навыки и умения, а также материальные и финансовые средства для производства продукции и услуг³. Методика расчета ЧКД включает такой признак, как возраст (детям в возрасте от 4 до 7 лет придается коэффициент – 0; 8–11 лет – 0,25; 12–14 лет – 0,5; пенсионерам 65–69 лет – 0,75; трудоспособным – 1). Аналогично подсчитывается ЧКД по здоровью и образованию. Несмотря на сглаживание индивидуальной активности, методика позволяет различать потенциалы семей. Смешанная семья обладает наиболее высоким потенциалом: там, где соединяются несколько работников разного уровня образования, специализации, физической силы, есть взаимозаменяемость – для каждого находится дело. Другие члены семьи налаживают контакты по вывозу и продаже произведенных продуктов.

Однако важно не только усредненное, но и «индивидуализированное» измерение человеческого капитала домохозяйств, ведь известны факты сельских реалий, когда даже неполная семья, во главе которой находится женщина-мать, благодаря сплоченности и взаимопомощи достигает высшего уровня жизни. Если модель В. В. Пациорковского в своей основе сориентирована на абстрактную семью, которая предположительно реализует свой потенциал (потому что обладает нужными качествами), то модель Тоффлера учитывает результат хозяйственной деятельности: $Z = 0,53x_1 + 0,13x_2 + 0,18x_3 + 1 x_4$, где x_1 – соотношение прибыли от продаж и краткосрочных обязательств; x_2 – соотношение оборотных активов и общей суммы обязательств; x_3 – соотношение краткосрочных обязательств и общей суммы активов; x_4 – соотношение выручки от продажи и общей суммы активов. При $Z > 0,3$ – стабильность высокая, при $Z < 0,2$ – стабильность невысокая, возможно банкротство⁴.

Достоинство данной модели по сравнению с другими заключается в том, что с ее помощью можно измерять, во-первых, устойчивость хозяйственной деятельности, во-вторых, деятельность вне предприятия, поскольку такие показатели

(существенные для организации), как отношение чистой прибыли к общей стоимости имущества, отношение прибыли до уплаты налогов к величине активов предприятия, для семейного хозяйства не играют существенной роли.

Измерение *непроявленного* конструктивного потенциала возможно посредством количественных и качественных методов социологии, которые будут направлены на: а) ценности благополучия и установки на способы изменить ситуацию, не удовлетворяющую индивидов; б) результаты активной жизненной позиции, проявленные индивидами; в) жизненные проекты, обладающие конструктивными началами. Применим также тест, использованный Фондом «Общественное мнение» (далее – ФОМ) для выделения нового слоя активных людей, включающий вопросы:

- приходилось ли в течение двух–трех лет брать кредит в банке, в магазине?
- работать за компьютером?
- вести переписку по электронной почте?
- водить автомобиль?
- ездить за границу?
- расплачиваться за товары и услуги при помощи пластиковой карты?
- иметь дело с иностранной валютой?
- пользоваться услугами косметического салона?
- пользоваться услугами домработницы?
- летать самолетами?
- приобретать спортивные товары?
- заниматься в фитнес-центре?
- вкладывать деньги в акции и ценные бумаги?
- получать дополнительное образование?
- повышать квалификацию?
- пользоваться смартфоном?⁵

Если хотя бы пять из приведенных позиций были закрыты, то респондента относили бы к группе «люди XXI века». По расчетам ФОМ, их в России около 4%. Это те, кто сориентирован на создание благ, ценностей, не на умения отобрать их у других людей, что в нашей стране широко практикуют обладатели разных форм власти. Сельские жители также демонстрируют поведение, характерное для людей креативного типа: пользуются компьютером и ведут переписку по электронной почте, водят автомобиль, повышают квалификацию и внедряют высокую агрокультуру на своем подворье и др.⁶ В то же время они отстают по инновационной деятельности в сельскохозяйственном производстве, поскольку обновление средств труда идет недопустимо медленными темпами.

Исследователи в той или иной степени анализируют сложный круг проблем труда, доходов, реже пишут о внутриколлективных отношениях, совсем эпизодически о связи с сельским обществом, большая часть которого находится вне экономических и социальных отношений с постколхозными организациями (крупхозами). Ситуация в агросфере подводит к неизбежности

возобновления политики и практических мер по обеспечению выбора сельскими жителями форм трудовой занятости, использования собственности, внутривладельческих отношений, отвечающих критериям сохранения и воспроизводства аграриев инновационного, креативного типа, схожего с рабочей аристократией, образ которой отображен в советских и зарубежных практиках.

В постсоветские годы сельские жители избавились не только от навязчивого вдалбливания десятилетиями мобилизационной идеологии, но и от каких-либо официальных «наставлений» о норме по отношению людей к социальной реальности, друг другу, личному участию в решении проблем продовольственной безопасности и других целей высокого гражданского смысла. Между тем стабильность и устойчивость, как свидетельствует опыт отдельных сельских сообществ, достигается, когда внутриколлективные отношения строятся на объединяющей идее. Современная организация экономических отношений и социальной жизни села, построенная на принципах «атомизации» (отстранения, изоляции) отдельных агентов, – тупиковый путь для консолидации сельских сообществ, равно как и экономических успехов АПК, поэтому поиск парадигмы социальной сплоченности, этого важнейшего ресурса жизнеспособности села, является неотложной научной задачей.

УДК 316.4

РОССИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

О. Н. Аборвалова

Саратовский институт (филиал) Российского государственного
торгово-экономического университета
E-mail: aborvalova@yandex.ru

Российская торговля в конце XIX – начале XX вв., при переходе к новой, социалистической, системе представляет собой наиболее динамично развивающийся сектор экономики. В статье рассмотрена специфика развития торговли в России в обозначенный период. Описаны процессы распада купеческой корпорации и трансформации купеческого сословия в класс. Выделены место и роль Саратовской губернии во всероссийском рынке.

Ключевые слова: торговля, купеческое сословие, внутренняя и внешняя торговля, магазинная торговля.

Russian Foreign Trade in the XIX–XX Centuries

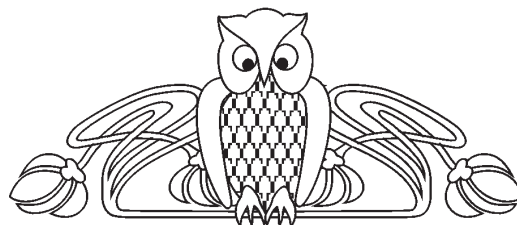
O. N. Aborvalova

The Russian trade at the end of the XIX – early XX centuries is the most dynamic sector of economy at the stage of socialist system. The article considers the specific features of trade in Russia in the defined period. The article also describes the process of merchants corporation decline and transformation of the merchants group into class.

© Аборвалова О. Н., 2012

Примечания

- 1 См.: *Ослон А.* Интервью // Сноб. 2012. № 3. С. 110.
- 2 См.: *Радаев В. В.* Стратификационный анализ постсоветской России: неовеберинский подход // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М., 1999. С. 51–52.
- 3 См.: *Пацюрковский П. П.* Сельская Россия : 1991–2001 гг. М., 2003.
- 4 О сравнительных достоинствах моделей, адаптированных к российским сельскохозяйственным предприятиям в проекции угрозы банкротства, см. в кн.: *Кибирова А. Я.* Модели прогнозирования банкротства сельскохозяйственных организаций в условиях кризиса // Глобализация и аграрная экономика России : тенденции, возможные стратегии и риски. М., 2011. С. 7–9.
- 5 На первый взгляд, тест носит сугубо «городской» характер: для сельских жителей вопросы «Приходилось ли вам пользоваться услугами домработницы или косметического салона?» являются неуместными. Однако на многие другие вопросы они отвечают как реальные участники практик, присущих людям новой формации. См.: *Ослон А.* Указ. соч. С. 110.
- 6 По данным исследования лаборатории ИАГП РАН, в разных видах данной сферы участвуют от 15 до 40%. См.: *Мореханова М. Ю.* Инновационные технологии в повседневной жизни сельского населения // Глобализация и аграрная экономика России : тенденции, возможные стратегии и риски. С. 292.

Focuses on the place and role of Saratov region on the all-Russian market.

Key words: trade, merchants group, domestic and foreign trade, shop trade.

В XIX в. Россия постепенно становится капиталистической страной, которую отличают существенное сохранение пережитков феодализма в форме помещичьего землевладения и вмешательство царского правительства в хозяйственные дела. Завершается промышленный переворот, появляются и начинают быстро развиваться новые отрасли экономики: угольная, нефтедобыча и нефтепереработка, машиностроение, химическое производство и др. Большую роль на рубеже веков стал играть железнодорожный транспорт. Железные дороги связывали Центральную Россию и ее окраины в единый хозяйственный механизм, способствовали формированию рыночной экономики.